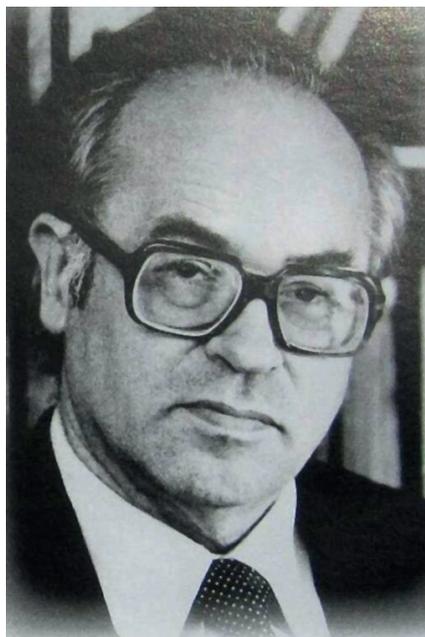

К 100-летию А.В. Петровского. Персонализация: уроки Петровского

Начну с того, что термин «персонализация» предложен А.В. Петровским. Было бы странно, если бы этого красивого термина «в природе» ранее не было. Термин, конечно, был, но использовался в совершенно другом значении. П. Тейяр де Шарден говорил о персонализации, имея в виду завершающий этап космогенеза; его предпосылкой является «персонализация», возникновение личности и мысли, образование ноосферы (идеальной, духовной оболочки Земли).

Артур Владимирович еще до моих собственных построений говорил мне,

что понятие «социализация» не должно быть единственным и самодостаточным при описании взаимодействия человека с социумом, — что есть и должен быть обозначен как-то встречный процесс: от человека в социум, и что термин «персонализация» тут очень подходит. В этих его суждениях еще не было идеи полагания своего бытия в бытие другого, не было идеи «инобытия» в другом, но намечался «вектор»: от человека — в мир.

Были потом у некоторых из моих коллег попытки «закрыть» термин (А.Б. Орлов), сводя его к одеванию маски (путая

«персону» и «перзон» — «самость», глубинное «я»). «Иметь лицо» и «делать лицо» — бесконечно разные вещи. Например, «безличность» — это когда у человека нет лица. А «лицо» — это когда человек снимает маску. Не надо путать!

В том, что люди оказывают влияние друг на друга, не было ничего принципиально нового. Этим не удивишь ни Бехтерева с его исследованиями механизмов подражания и внушения, ни тех, кто исследовал явления фасилитации и ингибиции. Точно так же и жизнь человека в других людях мало кого удивила бы. Любый психоаналитик или транзакционный аналитик найдет слова для обозначения этого факта. Кто-то скажет «интроект», кто-то вспомнит об эго-состояниях (берновский «Родитель» как раз про это), кто-то усмотрит другие аналоги.

Новизна появляется уже тогда, когда мы пытаемся проследить превращения кого-либо, существующего «по ту сторону» внутреннего мира, в «значимого другого», далее — в «интроект» и, наконец, в мое собственное «я», где уже нет различия между «я сам» и «другой во мне» (я говорю в этом случае «претворенное я другого»). Кроме того, появляется важный ход к типологии «значимых других», понимание этой категории как особой, не сводимой к субъекту воздействия.

Случайный прохожий, например, пьяный на улице, может быть источником пренеприятных воздействий на меня, но мы не назовем его «значимым другим». «Значимый другой» — это тот, в ком я могу увидеть друга или недруга, партнера или противника, «заслуженного собеседника» (А.А. Ухтомский) или «игнорирующего меня обидчика». Значимый другой — тот человек из моего окружения, с которым я потенциально в общении или разобщении, производстве

чего-то общего или раздельного. Иначе говоря, не может быть так, чтобы «значимый другой» не мог стать «интроектом» и, в свою очередь, потенциальным претворенным другим, частицей моего собственного «я».

А.В. Петровский предложил замечательно ясную трехмерную модель «значимого другого», играя категориями «аттракции», «референтности» и «авторитета». Во всех этих ипостасях «значимый другой» — потенциально внутренний другой, тот, кто продолжается в тех людях, для которых он значим. Люди, которых я вижу в зале, люди, пришедшие в этот зал, значимы для меня, они значимые другие. Мы расстанемся, но мы, возможно, друг в друге останемся. Предостережение у Булгакова: «Никогда не заговаривайте с незнакомцами!» — они могут оказаться для вас ох как значимыми!

Специфика подхода, его неочевидность и непривычность проявляются, пожалуй, тогда, когда мы меняем ракурс рассмотрения личности. Открывается особая грань в понимании личности. Это — бытие человека в другом человеке, «инобытие» человека в людях.

Позвольте поделиться своим личным воспоминанием. Некогда М.Г. Ярошевский, когда я защищал кандидатскую, говорил, что мне удалось поймать в «пробирку» феномен активности (речь шла о надситуативном — «бескорыстном» — риске). Леонтьев называл это «эксквизитным» проявлением активности. Я уж не знаю, удалось или нет, но некое дерзновение поймать в пробирку «личностность» осталось. Я искал решение, у меня было не одно, а «целых два»... Одно из них — что мы никогда не можем построить аутентичный образ себя, постоянно выходя за пределы себя в рефлексии. Я это экспериментально исследовал. Второе решение — пойти еще дальше: за

пределы себя, и это второе решение — персонализация, значимость для другого, интроецированность в другого, превращенность в другом.

Моим первым испытываемым был сам Артур Владимирович Петровский, — в эксперименте на самоатрибуцию. Участнику эксперимента предъявляется список личностных черт. Сначала человек оценивает себя, «каков он есть» («Я, каким я себя чаще всего чувствую»), потом — в присутствии конкретного человека («Я в присутствии другого лица»). Список черт (условный):

«Аккуратный, Бдительный, Внимательный, Гостеприимный, Доброжелательный, Ершистый, Ёрничающий, Искренний, Критикующий, Лицемерный, Мнительный, Надежный, Остроумный...»

Артур Владимирович сказал мне: «Вряд ли что-то изменится». А потом (уже после того, как заполнил опросник второй раз) вдруг говорит: «Неужели?! А я и не знал, что в ее присутствии я становлюсь...» (и он сказал мне, кем становится...; повторять его слова здесь не буду, это признание было слишком интимным). Но, заметьте, если я все-таки расскажу вам, *какова была перемена*, то вы легко догадаетесь, о ком шла речь, если хорошо знакомы с этим человеком; но даже в том случае, если раньше вы не видели этого человека, совсем не знакомы с ним, вам удастся мысленно нарисовать портрет этого человека, в общих чертах сходный с оригиналом. Положим теперь, что в присутствии этого человека мы начинаем стесняться говорить какие-то интимные вещи о себе... Вполне можно предположить, что это — человек, контролирующий нас, или, возможно, сам весьма закрытый в общении; а может быть, у него язык-«помело». Здесь возможен разброс интерпретаций. Если в присутствии этого человека я испытываю сильную тревогу,

то это может быть следствием того, что он в моих глазах, например, представляет собой объект переноса с родительской фигуры; но если большинство людей в его присутствии испытывают сходные с моими чувства, то это, скорее всего, свидетельствует о его личности как таковой или, может быть, о его положении в обществе и т.д. и т.п.

В любом случае требуется дополнительный анализ. Но тем не менее все это повод обратить свой взор на себя, приглядеться к нашим отношениям, увидеть партнера в новом ракурсе. Как бы то ни было, изменение, происходящее со мной, несет на себе отпечаток личности другого — он вносит в мою жизнь что-то свое. Его портрет может быть в разной рамке, выглядеть по-разному в разном освещении, быть похожим и не очень, и даже карикатурным, но это именно *он* так действует на нас.

Я мог бы подробнее в этой связи рассказать о работах А.Н. Смирновой, Г.А. Долинского, А.Б. Николаевой, Л.И. Полежаевой.

Приведу гротескный в какой-то мере пример. Если ВЫ мне приснитесь, я, может быть, и не пойду к психологу, а спрошу у Вас: «Что Вы делали в моем сне? Ведь это *Вы* мне приснились!...» Впрочем, может быть, после этого разговора мне придется пойти к психоаналитику...

Лев Толстой писал: «Описать человека нельзя. Можно сказать только, как он на меня подействовал».

Некоторые примеры:

Мы говорим: «МНЕ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК СМЕШОН...» (не ЕМУ смешно, это *мне* смешно, ему самому, может быть, совсем не весело).

Я не могу сказать о себе: «Я — герой». Это могут сказать обо мне только другие.

«Я душевный» (было бы странно услышать от кого-нибудь такое признание,

хотя «душевность», несомненно, черта личности человека).

«Я — Поэт!» — «Поэт? Бильярд?» (Анна Ахматова, когда ей довелось услышать от одного молодого стихотворца такие слова, произнесла вслух: «Поэт... Бильярд...»).

Все это — *метаспсихологические* качества! «Аннушка чума» — это ее метаспсихологическое качество. Метод отраженной субъектности открывает именно такие качества индивидуума, и следующий вопрос состоит в том, как эти качества сочетаются с интрапсихологическими качествами. И такова перспектива развития метода отраженной субъектности, а стало быть, и теории персонализации.

И здесь приоткрывается класс феноменов. Повышение оригинальности ассоциаций в присутствии неординарных учителей (исследования Ю.В. Янотовской и, независимо от нее, И.Г. Дубова), взаимопорождение творческих стилей (В.Г. Грязева-Добшинская), подвижки к бескорыстному риску в присутствии других (исследования А.Л. Крупенина), эффект стимуляции «сильных» учеников «слабыми» (эффект силы в слабости) и наоборот (исследование Е.Ю. Уваринной), др. феномены — все это было выявлено на основе метода отраженной субъектности, в основном в лаборатории А.В. Петровского.

Метод отраженной субъектности иногда принимает форму «бесконтактного» исследования личности как источника персонализации человека в других.

Назову такие феномены, как динамика самовосприятия (исследование Аллы Николаевны Смирновой), усиление и ослабление перцептивных иллюзий в воображаемом присутствии других (исследование Елены Ивановны Кузьминой), изменение фрустрационного реагирова-

ния под влиянием актуализации образа значимого другого (исследование Ирины Петровны Гуренковой). В последние годы есть много исследований отраженной субъектности в парадигме транзакционного анализа, что имеет прямое отношение к практике психологического консультирования.

При этом открывается мир инобытия человека в человеке — мир значимых других, имеющих идеальную представленность и продолженность в других людях.

Отсюда и понимание развития личности. Что значит «развиваться» как личность? Это, в моем представлении, становится «значимыми другими для значимых других». Идея персонализации раскрывается в двух моделях развития личности — моей, трехчастной (социализация, индивидуализация и интеграция) и — Артура Владимировича, тоже трехчастной (социализация, индивидуализация, интеграция).

И в этом контексте я хочу сказать о плотном сотрудничестве с А.В. Петровским не столько по поводу развития личности (тут были некоторые расхождения), сколько по поводу движущих сил человеческого поведения как в развитии, так и в сложившихся формах функционирования.

Изначально идея персонализации для меня была объяснительной в интерпретации общения между людьми. Есть точка зрения, что мы общаемся для обмена: «ты мне — я тебе», информация, эмоции, добрые дела — все это, грубо говоря, «баш на баш». Но я понимаю мотивацию общения — в самых ее истоках — иначе.

Когда в первый раз я докладывал концепцию персонализации в Институте общей и педагогической психологии в 1984 году, я говорил о том, что общение есть проявление потребности в персонализации, а за этой потребностью — более общее стремление к бессмертию. «Все

люди смертны? — Да! Сократ — человек? — Да! Сократ смертен? — Давайте исследуем». Помню, на моем докладе присутствовал тогда Георгий Петрович Щедровицкий, и я захотел взять для себя его интонацию: «Давайте исследуем!» (с музыкальной лигой на «с»).

Но вот, объединившись с Артуром Владимировичем в подмосковном пансионате «Драматург», я стал работать вместе с ним над статьей — о потребности и способности персонализации. Само это словосочетание появилось там — «способность и потребность». Способность — потому что не всем дано легко превращаться в значимых других для значимых других. А слово «потребность» для Артура Владимировича было особенно значимо. Для него потребность так относится к мотивам, как сущность к явлению. Потребность есть зависимость как источник активности (обратите внимание на парадоксальность «зависимость — источник!»), и эта зависимость, в отличие от мотивов (в виде различных интересов, желаний, хотений), объективна. Это они — субъективны, представляют собой феномены сознания, а потребности — скрыты, они образуют источник переживаемой активности (потом эта идея была представлена Петровским в нашей общей работе, посвященной категориальному строю психологии, где были рассмотрены 35 категорий теоретической психологии).

А.В. Петровский «вбросил» идею, что потребность персонализации питает не только «общение душ», обеспечивающих, я бы сказал, «бессмертие души», но и другие процессы: самоутверждение в собственных глазах, стремление к риску, творчество в науке, искусстве, поэзии... Этот ресурс идеи персонализации с уходом А.В. (переходом его в миры любящих его людей) остается почти нереализованным, но, я думаю, здесь есть интересные перспективы.

Несколько слов о некоторых эпизодах нашего общения, послуживших для меня уроками.

УРОК 1. КАК ТЫ ЭТО ПОЙМАЕШЬ? Человек энциклопедически образованный, историк психологии, вплоть до защиты своей докторской он наслаждался психологией как экспериментальной наукой — не разговоры на психологические темы, не философствование по поводу психологии, а именно эксперимент — вот что он любил! В последние годы он вернулся в методологию, теорию, историю психологии, работая над проектом «теоретической психологии». Но за плечами уже был опыт экспериментатора. Я часто слышал от него вопросы: «А как ты это измеришь?», «Как ты это поймешь?» Его влекла интрига экспериментирования. Опыты с «коллективистическим самоопределением» («во имя группы или против группы?») и многие другие были красивы и парадоксальны по своему замыслу, — Мираб Константинович Мамардашвили, принимая статью о коллективистическом самоопределении в «Вопросы философии», был впечатлен этой идеей. Не конформизм и не негативизм, а нечто третье, что было показано экспериментально.

Сегодня измерения в психологии самоденны, но интрига уходит. Я это очень чувствую. И думаю, вы тоже это чувствуете. Поэтому улиткой на склоне прогресса я держусь за идею красивого эксперимента, производящего нетривиальное знание. Мысленно при этом благодарю Артура Владимировича.

УРОК 2. ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ. Он видел тех, кто видел парадоксальность. Он как-то жестом показывал мне Леонтьева, акцентируя его стремление взглянуть на вещи с другой неожиданной стороны. «Леонтьев видит парадоксальность». Может быть, поэтому для меня Леонтьев был и остается магом и волшебником, заворажи-

вающим своим словом и жестом. Гений экспериментирования и усмотрения. Петровский подарил мне способ видения моего будущего учителя в психологии.

Читаешь работы и думаешь: что происходит в нашей науке? Часто вспоминаю анекдот, который рассказал мне отец однажды. Поезд. Разговор в купе. «Куда едете?» «Еду в Одессу». «Зачем?» «Там конференция, посвященная Эйнштейну». «Эйнштейну?» «Да, великому автору теории относительности. У меня там доклад». «О чем?» «Об относительности. Видишь, мимо нас едут березы. Но это мы едем мимо них, а они стоят! Все относительно!» «Слушайте, и с этой хохмой вы едете в Одессу?!»

УРОК 3. «УРАВНОВЕШИВАЙ!»

Мне иногда говорили, что я хороший оппонент. Знаете, почему? Все дело в его сотруднице, замечательной Людмиле Карпенко. И в моем отце.

Однажды на заседании его группы я разнес одного человека, в общем-то очень интересного ученого. После меня выступила Людмила. Она была тоже очень критична. Но там было столько деликатности... Такое умение увидеть и показать другим суть. И тогда Артур Владимирович сказал очень простую вещь: «Уравновешивай!» Я решил для себя тогда: «Я буду высказывать все, что думаю, но теперь буду уравновешивать!» Вот почему я такой уравновешенный оппонент.

УРОК 4. «ЗА-НЕ-ЗАЧЕМ!» В школьные годы я мучился «Исповедью Толстого». В чем смысл жизни. Идеи суицида у меня не было, а у великого Толстого эта идея была. Толстой справился, иначе бы не было Толстого. Ну а я пришел к отцу. И он сказал мне тогда: «Знаешь, в данном случае можно сказать “почему”, а ты спрашиваешь “зачем?”». Я тогда не знал (и он мне ничего такого не говорил) о различении действующей и целевой причины по Аристотелю. Это я потом своим чередом к этому при-

шел. Но я для себя уловил: «Если, говоря о смысле жизни, мы не можем ответить на вопрос “зачем”, то...» Ответ у меня появился значительно позже, лет через 8 после окончания школы. Это был ответ «За-не-зачем, а потому-что-не-иначе-как». Это было связано с выделением и критикой «постулата сообразности». Саму эту фразу «за-не-зачем, а потому-что-не-иначе-как» я придумал, когда поднимал своего родственника-одинадцатиклассника в школу сдавать экзамен на аттестат зрелости. Он категорически не хотел просыпаться. «Зачем?» И тогда я рявкнул: «За-не-зачем, а потому-что-не-иначе-как».

Теперь я понимаю: смысл жизни — исключительно в том, чтобы жизнь продолжалась, своя или чья-то. Продолжалась, «жила себе» бесконечно. Именно так! И в таком случае в чем суть и смысл персонализации? Передать этот импульс к жизни дальше! «Зачем?» За-не-зачем! А потому-что-не-иначе-как!

УРОК 5. НА ВСЮ ЖИЗНЬ: ДЕЯТЕЛЬНОСТНО-ОПОСРЕДОВАННОЕ ПРИСУТСТВИЕ. Необходимо «просто» признать и принять идею «деятельностно-опосредствованного присутствия» человека в человеке; инобытие деятельного субъекта — активно. Сейчас, в тот момент, когда, как говорят, «автор этих строк» эти самые строки пишет, уже после ухода А.В. Петровского из жизни, а точнее, перехода его в другую жизнь — жизнь в других, особенно остро ощущается то, о чем мы с ним еще никогда не писали. Он присутствует во мне как человек действия, как действующий человек; не просто его присутствие, но его деятельностно-опосредствованное присутствие в себе я сейчас ощущаю, ибо теперь, когда я говорю все это, поди разбери, кто сейчас говорит, кто подсказывает, что сказать дальше...

Вадим Петровский

Honoring A. V. Petrowskiy's 100th Anniversary. Personalization: Lessons from Petrowskiy

The term “personalization” was proposed by A.V. Petrowskiy. It would be strange if this beautiful term “in nature” did not exist earlier. The term, of course, there was, but it was used in a completely different meaning. P. Teilhard de Chardin spoke of personalization, meaning the final stage of cosmogenesis; its prerequisite is “personalization”, the emergence of personality and thought, and the formation of the noosphere (the ideal, spiritual shell of the Earth).

Информация об авторах

Петровский Вадим Артурович, доктор психологических наук, профессор, департамент психологии, факультет социальных наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»); член-корреспондент Российской академии образования, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5931-0738>, e-mail: petrowskiy@mail.ru

Information about the authors

Vadim A. Petrowskiy, Doctor of Psychology, Professor, Personality Psychology Chair, Ordinary Professor, National Research University Higher School of Economics; Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5931-0738>, e-mail: petrowskiy@mail.ru

Получена 14.06.2024

Принята в печать 29.06.2024

Received 14.06.2024

Accepted 29.06.2024